

Экспедиция на Командорские острова

Продолжение, начало в №239

Оксана Юркова

В прошлом номере журнала мы рассказали о переходе по маршруту Петропавловск-Камчатский – остров Беринга в рамках экспедиции на Командорские острова. Сегодня мы продолжим знакомить читателей с особенностями парусного путешествия по архипелагу.

Кострову Беринга мы подошли после обеда. На ржавом причале нас уже ждал Сергей Пасенюк – наш лоцман и капитан. О Сергее Леонидовиче стоит сказать отдельно. Сын писателя и сам писатель. Философ, отчаянный яхтсмен, в начале 90-х совершивший переход с Камчатки до Аляски через Берингово море на «четвертьтоннике» без двигателя и в одиночку. На островах он живет давно: и промыслом зверя занимается, и туристам дикие места показывает, и книги пишет, и фотографии делает, и старается сохранить историю Командор. Человек очень колоритный, как внешне, так и по сути. За внешностью много повидавшего в своей жизни морского волка скрывался командорский интеллигент, который даст фору многим столичным жителям. Несмотря на окружение – работников зверодобывающей бригады,

состоящей отнюдь не из выпускников университетов, Сергей говорит исключительно литературно, отличается богатством языка и изобретательностью. Мне, как филологу по образованию, было интересно слушать его рассказы и подмечать оригинальные выражения. К примеру, «щелкать кодаками» относилось к фотоаппаратам, и не важно, чем они снимают. Красную икру он называл нежно «клюковка», а не «рыбьи яйца», как это обычно бывает среди местных. Меня же называл не иначе как «Крошка». Но за его добрый нрав и богатые знания о Командорах, которыми он искренне делился, я ему это прощала.

И вот швартовы закреплены, и Сергей вместе с пограничниками ступает на борт нашего бермудского шлюпа Vavaria 36 по имени «Морской ветер». Ощущения после трехсуточного пере-

Фото автора и Леонида Загородникова

хода, когда большую часть времени мы шли, не видя берегов, у всех членов нашей команды совпадали: вот она, Земля! Скорее сойти на берег и пробежаться или хотя бы пройти по ней!

Почти так я и представляла эту далекую и труднодостижимую командорскую землю. Зелень, возвышенности, столовые горы (сопки с ровно срезанными вершинами), множество птиц и океан. В честь нашего прибытия на закате из-за облаков вышло солнце и подсветило все вокруг. Хотя, может быть, солнце заказал туроператор прибывшего одновременно с нами лайнера со шведскими туристами. Вчера они уже посетили бухту Командор, а сегодня по плану – село Никольское и концерт местной самодеятельности.

Рядом с причалом – кладбище кораблей. И почти ничего не указывает на то, что островитяне ходят в океан.

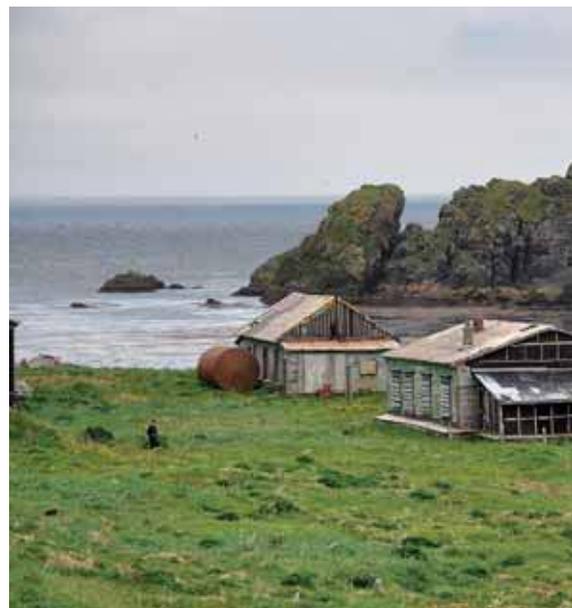
Может быть, свои рыбацкие байдары потомки алеутов хранят в сараях? Но нет. Рыбу ловят на озере Саранное, а вдоль берега ходить можно и на надувных лодках с мотором. Уже не те времена, и другие люди. На байдаре из звериных шкур и в непромоканце из тюленьих кишок здесь никто никуда не ходит. Жители единственного села на архипелаге даже до соседнего острова Медный не доплывают, а в Петропавловск-Камчатский и даже на Алеутские острова наведываются самолетом. Только сотрудники заповедника, члены клуба туристов да особо отчаянные звероловы, включая и Сергея Пасенюка, бывают на острове Медный.

После бани и романтической прогулки по берегу на закате у нас был праздничный ужин с новым капитаном и планирование дальнейшего пребы-

вания на Командорах. Так и хочется написать, что «каждый, кто бывает на Командорах, заходит в бухту, где нашел свой покой руководитель Второй Камчатской экспедиции Витус Беринг». На самом деле, далеко не каждый. До бухты идти далеко – через весь остров, а это больше 20 километров.

Прогноз погоды обещал шторм, и мы решили отстояться в Никольском, а грядущий день потратить на знакомство с ловом нерки и посещение северного лежбища морских котиков.

Прилив заставил нас отойти от причала и бросить якорь. Так и простояли всю ночь, а на рассвете на «тузике» в несколько рейсов перебрались на берег. Правда, за пользование «тузиком» без согласования с пограничниками нас оштрафовали на 300 рублей – оказывается, необходимо было предупредить, что к острову осуществля-

ется подход на «тузике», а не на яхте. До озера Саранное от Никольского около 20 километров. Нас доставил туда на ГАЗ-66 местный житель Женя-Колбаса. Несмотря на удаленность Никольского от цивилизации, на однообразие и безысходность, которые проглядывают во взорах некоторых островитян, Колбаса оказался предприимчивым человеком. Он обеспечивает все село чрезвычайно вкусным белым хлебом. Пусть буханка и стоит 40 рублей – но это настоящий ароматный хлеб, в супермаркетах такого не купить. Приезжим Женя сдает квартиру, а по надобности может куда-то довести на машине или добросить на моторке до острова Топорков или на Арий камень. Все за плату, разумеется, но слово держит и деньгам счет ведет.

Озеро Саранное с одноименной бухтой соединяет небольшая речка, по которой красная нерка заходит нереститься. Это, наверное, крупнейшее нерестилище лососевых в России. За сезон здесь добывают 60 тонн нерки и 100 бочек красной икры по 50 кг каждая. Можно только представить, сколько рыбы могло бы дать озеро, если бы ее не ловили. Лов ведется варварским способом. Во время прилива, когда рыба по реке поднимается в озеро, его перегораживают сетью. Вся рыба попадает в плен. На отливе сеть убирают, но и рыбе не пробраться на нерест. Бригаду рыбаков набирают из

безработных, «сидевших» да «синяков», которым даже небольшое жалование долго задерживают. Несмотря на продолжительную совместную работу, бригада все делает крайне неорганизованно. В наш приезд в сеть зашло около 200 кг рыбы. Ее здесь же «шкеряют», готовят балык на копчение, достают икру и порожние тушки складывают в ящики, чтобы везти в холодильник, который есть на рыбокомбинате. Куда идет рыба? Все здесь уверяют, что отправляется она в Японию по 3 доллара за килограмм, однако на рынке в том же Петропавловске-Камчатском ее цена эквивалентна 7 долларам.

Долго смотреть на кровавое зрелище наша команда не стала и по тундре отправилась на Северное лежбище, наблюдать за морскими котиками. От Саранного до лежбища около 10 километров по прямой. По колее – а дорог в тундре нет – мы прошли порядка 16 километров. То тут, то там, среди кочек да и просто в траве лежат яркие кранцы с номерами. До воды далеко, судов рядом нет, зачем это? Потом выяснили, что так местные отмечают направления. Картами на берегу не пользуются, особых природных ориентиров нет – вот и отмечают кранцами верный путь.

Командорская тундра летом нежно зеленая с вкраплениями лиловых, белых и желтых цветов. Пружинящие под ногами огромные кочки приятно

нагружали мышцы, немного разленившиеся от трехсуточного морского перехода. Многочисленные ручьи и заболоченные места заставляли нас делать зигзаги и прыгать словно зайцы. В один бурлящий и весьма глубокий поток рискнула окунуться и я. Вспомнились купания в горных ледяных ручьях. Зато можно смело говорить, что омыла ноги в бассейне Тихого океана.

До лежбища оставалось километров пять, но ветер уже принес грозный рев секачей. Такое ощущение, что они были совсем рядом. Между сопок показался океан и в нем белый лайнер. Чуть позже мы узнали, что это исследовательское судно: весь летний сезон ученые наблюдают и метят морских млекопитающих. А на горизонте уже маячили крыши деревянных домиков. Когда-то давно здесь была научная база Командорского заповедника, сейчас только в одном доме живут в летний сезон ученые. Нас встретила Наташа – филолог-биолог, которая волонтером прилетела на Командоры, чтобы помогать метить и считать морских котиков. Она рассказала, что на острове пить сырую воду нельзя из-за страшной болезни, которую переносят песцы. Воду всю обязательно кипятить, даже если просто нужно умыться. «Иначе вы все умрете», – то ли предостерегла, то ли хотела напугать нас Наташа. По ее словам, морские котки очень агрессивны, кидаются на

людей, поэтому не стоит подходить к ним близко – могут покалечить. Для наблюдения за ними построена специальная деревянная эстакада – закрытый со всех сторон рукав, ведущий через лежбище. В маленькие окошки – бойницы можно выставить объектив и снять сцены из жизни ластоногих. В конце эстакады есть небольшая открытая площадка, расположенная достаточно высоко, чтобы животные туда не забрались, и с которой можно беспрепятственно понаблюдать за ними.

За несколько часов, проведенных на лежбище, мы увидели рождение «черненьких» – так называют щенков по цвету их первой шубки, ясли, гаремы, молодых и старых холостяков, тушки умерших животных. В основном это были «черненькие», случайно задавленные громоздкими папашами. И здесь же на пляже рыскают в поисках обеда пронырливые хитрые песцы. Найдя одну недвижимую тушу, песец не отойдет от нее, пока не объестся. При этом его сородич будет сидеть неподалеку за камнем и наблюдать, пока место в ресторане не освободится. Здесь же летают и местные санитары – чайки.

Значительное время летом морские котики проводят на пляже, где рождаются и подрастают детеныши, ведутся любов-

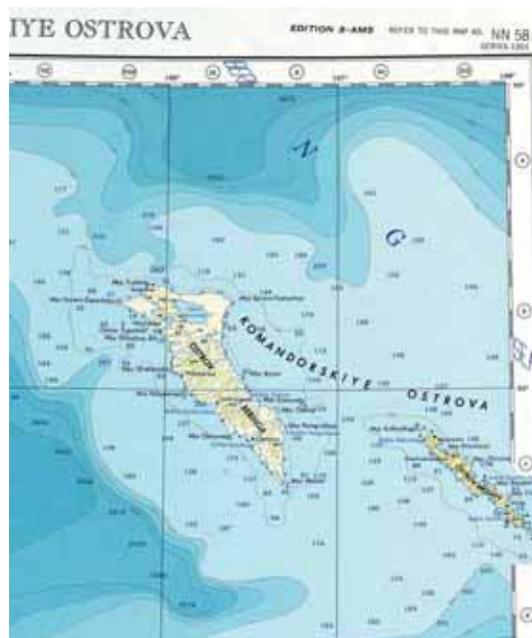
ные игры и сражения за территорию и самочек. Наблюдать жизнь животных можно бесконечно долго, как и ходить под парусом. Но близился вечер, а до Никольского 23 километра пешком. Тем временем ожидаемый шторм пришел, на суше ветер усилился. Дул он с юга, куда как раз и нужно нам было идти. А против ветра путь в 4–5 часов затянулся бы до поздней ночи. На нашу удачу за сотрудниками заповедника приехал вместительный внедорожник «Вепрь» и уже около полуночи наша команда прибыла на «Морской ветер».

После ужина мы снялись с якоря и взяли курс на норд-вест, чтобы обо-

гнуть остров и прибыть в бухту Командор, где нашли свое последнее пристанище Витус Беринг и еще 31 участник Второй Камчатской экспедиции. Свежий попутный ветер хорошо разгонял яхту, и пополудни следующего дня мы стояли у входа в бухту Командор. Погода не радовала. Мелкий морозящий дождь завесил все вокруг. Карты не давали подробного расположения опасностей, а ведь именно здесь, через рифы осенью 1741 года был переброшен волнами «Апостол Петр».

Благодаря нашему капитану и лоцману Сергею Пасенюку мы аккуратно провели яхту в бухту и встали на якорь.

Началось время прилива, и у нас было около двух часов, чтобы побродить по кусочку командорской земли, тому самому, на которую ступали ее первооткрыватели. В два рейса добравшись на тузике до песчаного берега, мы взобрались на зеленый холм и дошли до небольшой речки, за которой находился мемориальный комплекс. Холодную реку можно было перейти только вброд, и поднявшись по сколоченной руками островитян добротной лестнице, мы оказались у небольшого кладбища. Памятные плиты, сделанные и поставленные Федором Конюховым, рассказывают, кто и в каком месяце покинул ряды экспедиции. Скромные кресты над могилами

Фрагмент американской военной карты 1954 года

вместе с пасмурной и дождливой погодой добавляли уныния этому необитаемому уголку земли. С вершины крутой зеленой сопки можно было охватить взглядом всю бухту и, замерев на несколько минут, представить, что чувствовали отважные мореплаватели, когда они оказались здесь, с разбитым судном и тяжелобольными сотоварищами. В то время на острове никто не жил, деревьев не было, продукты заканчивались. Но даже нам, вполне здоровым, наблюдающим свою яхту, стоящую неподалеку на якоре, имеющим достаточный запас продовольствия, было немного не по себе. Без связи, за десятки километров от единственного населенного пункта.

Природное уныние и знание истории этого места радости нам не добавило. Сегодня, спустя почти три столетия, уже сложно различить места, где были выкопаны землянки экспедиции. Пройдет еще полвека, и о той зимовке будут напоминать лишь кресты с памятными досками.

Почтив память первопроходцев, мы вернулись на яхту. Начиная отлив, нужно было уходить. Курс 30, только так можно пройти в щель между рифами. Спасибо лоцману! Наша следующая точка находится на соседнем острове Медный.

На Медном еще в прошлом веке жили люди, но в 1972 году поселенцев перевезли на остров Беринга, а в селе Преображенское стали хозяйничать пограничники. Но и они в середине «нулевых» покинули остров. Теперь он необитаем. Далеко не каждый житель Никольского был на Медном, и, тем более, сюда редко забредают путешественники. Добраться можно только по воде, а переход дальний, без серьезного судна не справиться. Поэтому путешествие под парусами дает возможность не только душе пребывать в романтическом состоянии, но и посещать удаленные и труднодоступные места.

Ночью Тихий океан казал, что он совсем не тихий. Через встречный

ветер порядка 6 баллов яхта пробивалась короткими галсами. Сон в носовой каюте был беспокойным. Стоило только заснуть – как лодка делала поворот, и приходилось перекачиваться

на другой борт. При этом килевая качка также не добавляла комфорта. В итоге лучшая поза для сна – разместиться поперек койки враспор и дремать до следующего галса. Временами казалось, что это вовсе не ветер с океаном, а наш капитан Пасенюк «отрывается» на руле. Давно не ходил под парусом, соскучился. Видимо, и погоду подогнал подходящую, суровую.

В обед мы зашли в бухту Бобровая острова Медный. Обычная, ничем особо не примечательная, закрытая зелеными сопками. Здесь мы высадились на берег. Наша команда будет теперь двигаться пешком, а яхта подойдет к бухте Преображенская на следующий день. Мы взяли рацию и отправились в тундру.

Прекрасное чувство свободы охватило нас, как только бухта и яхта скрылись за холмом. Мы одни на острове, кроме песцов да множества птиц здесь никого нет! Связи с внешним миром никакой – только рация, да и то она «ловит» лишь в определенных местах. У нас есть почти сутки на самостоятельное знакомство с Медным. Ширина острова 5–7 километров, нам предстоит пересечь

весь остров, чтобы попасть в бухту Песчаная, а потом перевалить через небольшой хребет и оказаться на финише, в селе Преображенское, ныне нежилом.

Во время морских путешествий всегда испытываешь дискомфорт от гиподинамии. Даже если приходится бегать на бак и что-то делать с парусами – это не то. Поэтому большой радостью для нас стал тот пеший переход. Тропинок на острове нет, зато есть речка, вдоль которой мы и шли. Всюду тундра. Шлепаешь среди карликовых березок, как великан, а потом прячешься за очередной кочкой, в попытке сфотографировать птицу, прыгаешь с берега на берег, потому что кажется, что здесь суше или просто удобнее. А река то под ледник уйдет, то вернется. В какой-то момент наша речка ушла, и появилась другая, резвящаяся между бережков в попутном нам направлении. Верхушки сопки скрыл туман, вдалеке уже виден простор океана, хотя на самом деле это Берингово море.

К бухте Песчаная мы пробирались долго. Наши непромокаемые шведские костюмы Didriksons собрали, пожалуй, всю влагу с кустов и высокой травы, но мы оставались сухими. И вот через наносы топляка, рыбацких порванных сетей и буйков мы дошли до берега.

Море волновалось, накатывало пенными брызгами на гальку. Около берега плескался одинокий тюлень. Он с любопытством поглядывал из-за волн на чужаков. Дальше идти не хотелось. И пусть нет ничего прекраснее

шума морских волн и пейзажа скалистых сопок, но провести отнюдь не теплую ночь на пляже под серым небом не хотелось еще больше. Тем временем туман почти упал на тропу, скрыл перевал, и вот здесь очень бы пригодился туманный горн, хотя бы для того, чтобы не потеряться.

Плавный набор высоты, поиски в сумерках верного направления, проход плотных, скользких снежников и спуск в ночи к Преображенской. Тогда мы никакой красоты не увидели. Несколько заброшенных деревянных домиков, тарелка радара, пустые многотонные топливные цистерны, кладбище – вот что явилось нам при свете фонарей. Разместились в единственном доме с печкой и вели до утра беседы. На берегу не качает, хочется общения. И когда на рассвете я вышла из дома – то так и замерла от восхищения. Нежный утренний свет преобразил все: четкие очертания серо-зеленых скал причудливо ломали небо, дома уже не казались мрачными, вокруг все зеленело и стояла тишина. Был слышен только спокойный плеск моря. После короткого сна мы отправились осматривать окрестности.

Это была одна из прекраснейших бухт. Острые углы скал вовсе не были суровыми. Каждый камень подернут то цветным лишайником, то какой-то травой, то сама порода радовала глаз разнообразием красок. На

уступах гнездились тупики и бакланы, драчливые чайки устраивали стычки прямо в воздухе, а на вершине скал стоило опасаться тех же тупиков, но ровивших воткнуться клювом в голову путешественника. Тихое, защищенное скалами место отлично подходит для длительной стоянки на якоре. Всю бухту заполонила морская капуста. И в ней играют морские звери.

От человека здесь остались заброшенные наблюдательный пункт, библиотека, спортивный и кинозалы с военной топографией, заплесневелыми книгами и растрепанными видеопленками, три кладбища и две мемориальные доски. Одна – погибшим при сплаве леса в 2001 году бойцам заставы, другая, под крестом – прославляющая политическую партию. И никого не оставила равнодушным советская плита с патриотическим сообщением «Границы России неприкосновенны».

Мы ждали яхту после обеда, но уже около 11 утра на горизонте показался парус. Установили связь по радиации, и через час яхта спокойно закрепилась на якоре у берега. Ее вид придавал еще больший романтизм пейзажу.

Мысль пожить на самом краю России, вдали от цивилизации, наслаждаясь великолепной, пусть и суровой природой, надолго засела в голове. Тиха и спокойна бухта Преображенская. Песцы здесь не болеют, много ре-

чек стекает в море и пресной вкусной воды вдосталь.

В царское время тут стояли двухэтажные каменные дома – настоящие коттеджи. Жили в селе алеуты. Занимались рыболовным и котиковым промыслами. Жили и русские на острове – но в меньшинстве.

Бродя по заросшему травой-бурьяном поселку, представляла, чем занимались его обитатели, как ходили на байдарках на зверя, как вели хозяйство. И хозяйство у них было небедное – кур держали, коров. Грибами-ягодами в тундре промышляли, зверя ловили и рыбу. Жили нормально. Не богато – но в достатке, в согласии с природой.

А пока Преображенское так и остается нежилым, встречая редких-редких гостей, что отважатся и сумеют добраться до него по морю. Смог сюда попасть – стал одним из тех десятков человек, кто побывал на Медном. На Эверест восходит больше людей, чем добираются до Преображенского. Вот уж действительно уникальное место. Даже выдавший многое капитан сказал, что это одна из красивейших бухт, в которые ему доводилось заходить.

А наш «Морской ветер» приняв на борт всю команду, снялся с якоря и отправился дальше на фотоохоту за горбатыми китами, к горе и арке Стеллера, в бухту Полуденная.

Окончание в следующем номере

